

ТЕОРІЯ ПРОМЫШЛЕННАГО ПРАВА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

О ПРАВѢ ВМѢШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА:

- I. въ область труда вообще, и
- II. въ область мануфактурной промышленности въ особенности.

Санктпетербургъ.

Лито-Типографія В. Граціанскаго и К^о. (Невск. пр., рядомъ съ Пассажемъ, № 46.)

1873.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Желая пополнить пробѣлъ нашей юридико-экономической литературы по промышленному праву и содѣйствовать, по возможности, распространенію здравыхъ экономическихъ понятій въ средѣ нашего общества, мы предлагаемъ настоящій трудъ вниманію лицъ, интересующихся вопросами промышленнаго законодательства. Тщательная разработка промышленнаго права во Франціи, съ конца прошедшаго столѣтія, а также совершающіяся и совершившіяся въ послѣднее время реформы въ нашемъ промышленномъ законодательствѣ, тяготѣющія къ существующимъ по этой части порядкамъ во Франціи, были одною изъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ насъ обратиться къ французской литературѣ по этому предмету. Выборъ нашъ палъ на почтенный трудъ профессора гентскаго университета Вельбрёка, подъ заглавіемъ: «*Coursъ промышленнаго права*» *), отличающійся, по нашему мнѣнію, несомнѣнными достоинствами.

*) C. F. Waelbroeck, Cours de droit industriel, t. I, chap. I—II, Paris, librairie internationale, 1863

Предлагаемый трудъ заключаетъ въ себѣ переводъ первой части перваго тома упомянутаго сочиненія и обнимаетъ собою теорію промышленнаго права или права вмѣшательства государства въ область того класса промышленности, который составляетъ спеціальный предметъ настоящаго изслѣдованія, т. е. промышленности мануфактурной. Такъ какъ промышленность составляетъ одинъ изъ видовъ труда, то изложенію теоріи промышленнаго права, авторъ предпослалъ главу о правѣ вмѣшательства государства въ область труда вообще. Сообразно съ этимъ и предлагаемый трудъ распадается на двѣ главы, изъ коихъ въ первой главѣ разсматриваются вопросы, относящіеся до права вмѣшательства государства въ область труда вообще, а во второй—вопросы, касающіеся права вмѣшательства государства въ область мануфактурной промышленности въ особенности.

Ив. Граціанскій.

26 октября 1872 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

	<i>Стр.</i>
О правѣ вмѣшательства государства въ область труда вообще . .	1

ГЛАВА II.

О правѣ вмѣшательства государства въ область мануфактурной промышленности.	36
§ 1. О правѣ вмѣшательства государства въ отношенія промышленника къ другимъ промышленникамъ, занимающимся однородными производствами	41
§ 2. О правѣ вмѣшательства государства въ отношенія промышленниковъ къ рабочимъ	51
§ 3. О правѣ вмѣшательства государства въ отношенія промышленниковъ къ потребителямъ	98
§ 4. О правѣ вмѣшательства государства въ отношенія промышленниковъ къ обществу	127

О правѣ вмѣшательства государства въ отношенія, проистекающія изъ промышленности.

ГЛАВА I.

О правѣ вмѣшательства государства въ область труда вообще.

Изученіе права, основанное только на положительномъ законодательствѣ и на рѣшеніи затрудненій, встрѣчающихся при толкованіи и примѣненіи закона, затрудненій, зависящихъ главнымъ образомъ отъ двусмысленности его редакціи, неполно, не-удовлетворительно. Безъ сомнѣнія, знаніе положительнаго права существенно необходимо для юриста. Даже, строго говоря, оно достаточно для лицъ, изучающихъ право исключительно съ практической цѣлію, которые видятъ въ юриспруденціи только діалектику, изошряющуюся на условныхъ тезисахъ, и обращаются къ сочиненіямъ юристовъ лишь за тѣмъ, чтобы извлечь изъ нихъ готовые аргументы для защиты своихъ тяжбъ въ судѣ. Это изученіе положительнаго права можетъ составлять послѣднее слово науки также и для тѣхъ, которые, слѣдуя примѣру Бентама, рассматриваютъ право какъ изобрѣтеніе чисто человѣческое, какъ произведеніе свободной воли одного или нѣсколькихъ лицъ, называемыхъ законодателями. Ибо, по этой

системѣ, коль скоро смыслъ положительнаго закона однажды точно опредѣленъ и разрѣшены затрудненія, представлявшіяся при толкованіи и примѣненіи закона, то больше ничего и не остается знать.

Но если мы отрѣшимся отъ той идеи, что отъ воли законодателя, т. е. отъ воли человѣка, зависитъ опредѣленіе справедливаго и несправедливаго и, напротивъ того, допустимъ, что понятіе о справедливости и несправедливости выше положительнаго закона, что это понятіе имѣетъ своимъ источникомъ законы непреложные, вѣчные, независимые отъ законовъ письменныхъ, также какъ геометрическія истины отъ линій, которыя, служатъ для ихъ доказательства, то мы невольно придемъ къ заключенію, что знаніе права еще не заключается въ знаніи буквы положительнаго закона, но что для этого необходимо возвыситься до принциповъ вѣчной и неизмѣнной справедливости, которые и выражаются болѣе или менѣе вѣрно въ законѣ положительномъ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изученію законодательства, опредѣляющаго порядокъ юридическихъ отношеній, въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, представляется крайнею необходимостію изложить философскую теорію этихъ отношеній, опредѣлить, какія права и обязанности вытекаютъ на основаніи правилъ этого закона, общаго для всѣхъ временъ и мѣстъ, правилъ, присущихъ природѣ человѣческой, извѣстныхъ подъ названіемъ естественнаго закона.

Мы уже упоминали, что во всякомъ законѣ проявляется нѣчто болѣе простаго произвольнаго произведенія человѣческой воли. Какъ бы ни было несовершенно положительное право, мы все-таки находимъ въ немъ попытку болѣе или менѣе счастливую выразить правила вѣчной идеи правды и справедливости. Вотъ почему изученію всякаго положительнаго промышленнаго законодательства необходимо предпослать изслѣдованіе общихъ принциповъ, входящихъ въ составъ этаго права, словомъ, изложить теорію промышленнаго права.

Теорія промышленнаго права, по существу своему, есть теорія труда, ибо промышленность, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, есть одна изъ отраслей человѣческаго труда. Поэтому, прежде вывода теоретическихъ истинъ, мы должны разрѣшить вопросъ, какія права и обязанности имѣетъ человѣкъ по отношенію къ труду, за тѣмъ опредѣлить существо этихъ правъ и обязанностей и наконецъ установить, въ какой мѣрѣ они могутъ и должны быть признаваемы государствомъ? Разрѣшивъ эти вопросы въ общихъ чертахъ, намъ легко уже будетъ примѣнять ихъ спеціально къ категоріи труда, извѣстнаго подъ именемъ промышленности и формулировать такимъ образомъ юридическую теорію промышленнаго права.

Исходной точкой настоящаго изслѣдованія служить та очевидная истина, что человѣкъ, имѣя право на свое существованіе, имѣетъ также и право на трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь человека состоитъ въ дѣятельности, обнаруживающейся на внѣшней природѣ. Онъ подчиняетъ себѣ природу, измѣняетъ ее, извлекаетъ изъ нея всевозможныя выгоды для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей. Эта дѣятельность называется трудомъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Безъ труда невозможно себѣ представить человѣчества. Для того напр. чтобы земля произвела жатву, руда превратилась въ желѣзо, желѣзо въ орудіе или машину, а машина приготовила ткань—необходимъ трудъ. Если представить себѣ, хотя на время, что дѣятельность труда прекратилась на всей землѣ, то какое слѣдствіе имѣло бы бездѣйствіе? Ничтожество человѣчества. Поэтому, если жизнь есть удѣлъ человека, то трудъ составляетъ его право въ отношеніи къ другимъ и обязанность относительно самаго себя. Справедливо сказалъ Тюрго, что «Творецъ, давъ человеку самыя разнообразныя потребности, поставилъ его въ такое положеніе, что онъ не можетъ обойтись безъ труда, и обратилъ такимъ образомъ право труда въ собственность человека. Эта собственность есть самая лучшая и дорогая, са-

мая священная и самая необходимая изъ всѣхъ родовъ собственности (*)».

Изъ этой истины вытекаетъ непосредственно слѣдующее заключеніе: если трудъ составляетъ для человѣка и право и обязанность, то онъ долженъ быть свободенъ, такъ какъ свобода и право суть понятія однородныя, тождественныя.

Въ чемъ-же заключается сущность этого права, гдѣ его границы? Можетъ-ли оно быть подчинено какимъ нибудь правиламъ?

Если мы представимъ себѣ человѣка внѣ общества, то право труда представляется для него неограниченнымъ. Человѣкъ, рассматриваемый съ этой точки зрѣнія, отвѣчаетъ только передъ Богомъ и своею совѣстію въ томъ, какимъ образомъ онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ правомъ. Но нужно-ли говорить, что рассматривать человѣка въ такомъ изолированномъ положеніи, человѣка, который бы самъ удовлетворялъ своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ, значило бы не-знать его природы, а также и сущности труда.

Напротивъ того, человѣкъ есть существо, которое не можетъ обойтись безъ общества себѣ подобныхъ и человѣческій трудъ, по необходимости, долженъ быть коллективнымъ. Поэтому, если человѣкъ не можетъ жить безъ труда, то тѣмъ менѣе можетъ трудиться внѣ общества. Могущество и плодотворность труда состоятъ именно въ ассоціаціи силъ, въ раздѣленіи обязанностей и безъ этихъ условій немыслимо существованіе общества.

Свобода труда, по своему существу, есть право социальное, потому что трудъ, имѣя мѣсто въ свободномъ обществѣ, влечетъ за собою для каждаго изъ членовъ этого общества цѣлый рядъ взаимныхъ правъ и обязанностей, проистекающихъ изъ

(*) Февральскій эдиктъ 1776 г., уничтожающій цеховое управление во Франціи.

отношеній къ труду. Эти права и обязанности имѣютъ характеръ соціальный т. е. человѣкъ за исполненіе ихъ отвѣчаетъ не только передъ своею совѣстію и Богомъ, но и передъ другими людьми.

Изъ этого вытекаетъ право вмѣшательства государства въ область труда.

Государство есть власть, имѣющая цѣлію водвореніе господства правды въ обществѣ, власть обезпечивающая каждому спокойное пользованіе его правами и принуждающая каждого къ исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи его согражданъ. Поэтому, если трудъ служить для человѣка обильнымъ источникомъ правъ и обязанностей въ отношеніи другихъ людей, то, очевидно, государство имѣетъ право вмѣшательства *во первыхъ*, чтобы дать санкцію этимъ правамъ и обязанностямъ и *во вторыхъ*, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительными, осуществимыми.

Въ принципѣ никто не оспариваетъ этого права государства. Но существуетъ сильное разногласіе относительно пространства этого права, тѣхъ границъ, въ которыя должна быть заключена дѣятельность государства, чтобы свобода труда не была нарушена. Важностью этого вопроса оправдывается оживленность полемики, потому что ошибки двухъ противоположныхъ сторонъ одинаково ведутъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Предоставить государству широкое право вмѣшательства,—значило-бы отнять у труда его живительную силу, которая заключается въ свободѣ труда. Если же дозволить нарушеніе законовъ справедливости въ организаціи труда, ограничить право вмѣшательства государства преувеличеннымъ уваженіемъ къ свободѣ, допустить чтобы граждане были тревожимы въ пользованіи правомъ труда,—значить отрицать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, право человѣка на существованіе.

Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣхъ теорій, всѣхъ предложенныхъ системъ для разрѣшенія этого вопроса: ими можно наполнить многіе томы. Впрочемъ, нужно сознаться, что такая

работа не принесла бы большой пользы. По мнѣнію одного писателя *), тѣмъ болѣе заслуживающаго довѣрія, что онъ много занимался этимъ вопросомъ, «настоящее состояніе науки самымъ неточнымъ образомъ опредѣляетъ, какая роль предназначена государству въ области труда, обнимаемой соціальною экономіей.»

Рѣшеніе разсматриваемаго нами вопроса занимало умы многихъ мыслителей. Предложенныя ими теоріи многочисленны и формулированы разнообразнѣйшимъ образомъ, хотя нельзя того же самого сказать о принципахъ, изъ коихъ онѣ вытекаютъ. Если постепенно восходить до принциповъ этихъ теорій, то мы замѣтимъ, что они весьма удобно сводятся въ характеристическія группы, отличныя одна отъ другой.

Чтобы представить классификацію теорій о вмѣшательствѣ государства въ область труда, чтобы раздѣлить ихъ на группы, нужно обратиться къ философскимъ принципамъ, изъ коихъ онѣ берутъ свое начало. До настоящаго времени чрезвычайно мало обращали вниманія на ту очевидную истину, что всякая экономическая система предполагаетъ философское ученіе. Напр. невозможно написать трактата о производительности, о распредѣленіи богатствъ, о роли, которую играетъ человѣкъ и государство въ различныхъ фазисахъ соціальной жизни, не составивъ предварительно опредѣленнаго понятія о природѣ и условіяхъ существованія дѣателя этаго производства, т. е. человѣка. Мы знаемъ заранѣе, что многимъ изъ экономистовъ эта мысль о тѣсномъ соотношеніи между ихъ наукой и философіею покажется парадоксальною. Вѣдь, написаны же, скажутъ они, цѣлые курсы, трактаты о трудѣ, собственности, государствѣ, лицами, которые никогда не занимались философіею. Какое же можетъ быть отношеніе между теоріею идей и теоріею цѣнностей, между Лейбницемъ и Сеемъ? Но, къ несчастію, нужно сознаться, что весьма много политико-экономическихъ трактатовъ обнаруживаютъ у ихъ авторовъ

*) Dunoyer, article Gouvernement dans le Dict. d'e'con. polit. Édit. Guillaumain.

полное отсутствіе знаній філософскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ несвѣдущій по этимъ предметамъ не могъ бы написать ни одной строчки о трудѣ, о правѣ вмѣшательства государства, если бы не имѣлъ хотя неопредѣленныхъ, сбивчивыхъ понятій о человѣкѣ, его природѣ, назначеніи, которыя замѣняли бы собою болѣе или менѣе отсутствующія понятія научныя. Поэтому многіе изъ экономистовъ примѣняли къ своимъ теоріямъ принципы метафизическаго ученія,—они были и сенсуалистами, и пантеистами, и спиритуалистами.

Если мы будемъ восходить отъ выводовъ этихъ теорій къ принципамъ, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ, если мы соберемъ всѣ мнѣнія о правѣ вмѣшательства государства въ область труда, всѣ трактаты объ устройствѣ и организаціи промышленности, то легко можно убѣдиться, что всѣ эти теоріи основываются на пантеизмѣ или сенсуализмѣ. Такъ социальная школа, разсуждающая объ организаціи такого общества, въ которомъ частная инициатива была бы ограничена до *minimum*'а, гдѣ каждый гражданинъ разсматривается не болѣе какъ малѣйшею частичкою общей государственной машины,—есть примѣненіе къ политической экономіи пантеистическаго ученія. Точно также и школа экономистовъ, усматривающая въ частномъ интересѣ единственное средство для сохраненія порядка и справедливости въ обществѣ, формулируя свой принципъ въ девизѣ «*laissez faire, laissez passer*», — вытекаетъ прямо изъ сенсуализма.

Какая же характеристическая черта социалистическихъ системъ?

Пораженные тѣсною солидарностію, существующею между всѣми членами человѣческаго рода, а равно и тѣмъ могущественнымъ вліяніемъ, которое каждый изъ членовъ оказываетъ на своихъ окружающихъ, замѣтивъ затѣмъ, что послѣдующія поколѣнія пожинаятъ плоды, а иногда и терпятъ наказаніе за

дѣйствія своихъ предковъ, авторы соціалистическихъ системъ смотрятъ на общество не какъ на собраніе индивидуальныхъ личностей, соединенныхъ между собою соціальными узами, но какъ на обширный организмъ, какъ на существо живое и дѣйствительное, по отношенію къ которому отдѣльныя личности представляются, такъ сказать, не болѣе, какъ отнятыми членами. Подобно тому, какъ наши органы составляютъ часть человѣческаго тѣла и могутъ существовать не иначе, какъ нераздѣльно отъ тѣлеснаго организма, точно также и человѣкъ, въ свою очередь, составляетъ, по этимъ системамъ, частицу высшаго существа: общества. Общество представляетъ собою не только собраніе отдѣльныхъ личностей, но въ то же время оно само есть личность, одаренная жизнію, органами, умомъ, чувствомъ, волею и имѣющая при томъ особенное назначеніе, которое она и стремится выполнить. Воля же, мысли и дѣйствія каждаго отдѣльнаго лица, составляютъ ни болѣе ни менѣе какъ частички воли, мыслей и дѣйствій этого высшаго существа, называемаго человѣческимъ обществомъ.

Задавшись однажды такимъ положеніемъ, можно тотчасъ видѣть, какая отсюда вытекаетъ соціальная система. Для этого коллективнаго существа, какъ и для отдѣльнаго человѣка, необходимъ управляющій органъ, который бы опредѣлялъ, наблюдалъ за исполненіемъ обязанностей, руководилъ движеніями членовъ, однимъ словомъ, давалъ толчекъ всему организму и былъ бы, такъ сказать, его душою. Этотъ управляющій органъ, опредѣляющій дѣйствія всѣхъ членовъ общества, которому всѣ должны повиноваться, есть государство.

Очевидно, что, по этой системѣ, предоставляются государству огромныя права и преимущества. Его назначеніе состоитъ не только въ томъ, чтобы упрочить господство порядка и справедливости въ соціальныхъ отношеніяхъ, но и въ управленіи дѣйствіями каждаго лица, для согласованія ихъ съ общими побужденіями цѣлаго общества. Слѣдовательно, государству предоставляется широкое вмѣшательство въ трудъ, который разсматривается

уже не какъ индивидуальный актъ одного человѣка, но дѣлается дѣйстви́емъ социальнымъ, такъ какъ, по этой системѣ, общество не есть собраніе работниковъ, но оно само работаетъ; отдѣльныя же личности представляютъ собою ни болѣе ни менѣе какъ содѣйствующіе органы для воспроизведенія общаго труда. Поэтому каждый человѣкъ долженъ сообразовать свои дѣйствія по отношенію къ труду съ дѣйствіями другихъ лицъ, слѣдовать за направленіемъ тѣхъ, которые представляютъ собою общество. Отсюда слѣдуетъ, что трудъ дѣлается обязанностію социальною. Если личность, по этой теоріи, и несовершенно уничтожена, то свобода уменьшена до minimum'a и вмѣстѣ съ нею и всякая отвѣтственность. Такъ какъ государство, распоряжаясь трудомъ, видитъ въ отдѣльныхъ личностяхъ не болѣе какъ орудія производства, то оно должно принять на себя обязанность доставить каждому рабочему такую сумму производства, какая необходима для его существованія, для его развитія физическаго и нравственнаго. Какія же экономическія послѣдствія этихъ теорій? Установленіе государствомъ правилъ о распредѣленіи богатствъ, обязанность обезпечить каждому всё необходимое, — вотъ неизбѣжныя послѣдствія вмѣшательства государства въ производство богатствъ. Отсюда видно, что такая организація труда, какую представляютъ себѣ социалисты имѣетъ своимъ основаніемъ пантеизмъ. Вообще же нужно замѣтить, что во всѣхъ подобныхъ системахъ организаціи труда, начиная съ Утопіи Мора до Икаріи Кабе, встрѣчаются тѣ характеристическія черты, о которыхъ мы только что упомянули.

Разрѣшаютъ ли эти системы вопросъ? Нѣтъ, напротивъ, онѣ уклоняются отъ разрѣшенія его. Вмѣсто того чтобы опредѣлить границы дѣятельности государства, онѣ, наоборотъ, уничтожаютъ всякую границу и поглощаютъ отдѣльную личность обществомъ. Само собою разумѣется, что хотя къ этой категоріи относится и много системъ, но онѣ въ многомъ различаются одна отъ другой. И не удивительно. Такъ какъ общество не будучи, какъ они предполагаютъ, существомъ живымъ,

органическимъ, но идеею безъ осуществленія, порожденіемъ ихъ растроеннаго воображенія,—то отсюда понятно, какое широкое поле представилось фантазіи тѣхъ, которые хотѣли писать о дѣятельности, органахъ и фізіологіи этого химерическаго существа, какъ они различались между собою въ пріемахъ понимать и анализировать это существо во всѣхъ его подробностяхъ.

Разсмотримъ теперь ученіе экономистовъ, ученіе имѣющее своимъ девизомъ принципъ «laissez faire, laissez passer» и мы увидимъ какимъ образомъ онъ прямо вытекаетъ изъ сенсуализма.

Объ экономистахъ и преимущественно англійской школы, нужно прежде всего замѣтить, что они вообще имѣютъ мало склонности къ умозрѣніямъ и смотрятъ на политическую экономію какъ на науку чисто практическую, совершенно чуждую наукъ умозрительныхъ. Методъ ихъ исключительно опытный и заключается въ томъ, чтобы собрать какъ можно болѣе фактовъ, анализировать ихъ, раздѣлить на классы и затѣмъ вывести законы экономическихъ явленій. Приступая такимъ образомъ путемъ наблюденія къ разрѣшенію вопроса о границахъ вмѣшательства государства въ область труда, экономисты выставляютъ сначала слѣдующія положенія: 1., Сумма производства находится въ прямомъ отношеніи съ благосостояніемъ общества, т. е. чѣмъ обильнѣе производство, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ общество; 2., трудъ свободнаго человѣка производительнѣе нежели трудъ раба и 3., при цеховомъ устройствѣ и подъ опекою государства трудъ развивается гораздо медленнее, нежели при его полной свободѣ; затѣмъ изъ этихъ положеній они дѣлаютъ выводъ о бесполезности и излишествѣ вмѣшательства государства въ область труда.

Нужно замѣтить, что человѣкъ, его природа и потребности чрезвычайно мало занимаютъ экономистовъ. Наблюдая человѣка только съ внѣшней стороны, вмѣсто того чтобы изучать его внутреннюю природу, они пришли къ тому заключенію, что въ

интересъ каждаго лица трудиться и это самое обстоятельство и заставляетъ его искать для своего труда самыхъ благопріятныхъ условій и наиболѣе экономическихъ способовъ его производства. Они утверждаютъ еще, что этотъ же самый интересъ заставляетъ человѣка жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ другими людьми, чтобы пользоваться въ свою очередь взаимными ихъ услугами. На этомъ основаніи экономисты считаютъ совершенно излишнимъ искать чего либо большаго. По ихъ мнѣнію, частный интересъ будетъ достаточною побудительною силою для того, чтобы порядокъ и справедливость существовали въ отношеніяхъ, проистекающихъ изъ труда. Предоставьте, говорятъ они, производителю полную свободу: если онъ причинитъ какой либо вредъ по ошибкѣ или умышленно, то пострадаетъ самъ и получитъ должное воздаяніе; его ошибка послужитъ ему хорошимъ урокомъ и въ другой разъ его собственный интересъ будетъ сильною побудительною причиною избѣгать ее и быть осторожнѣе. Злоупотребленія, которыя, съ одной стороны, могутъ быть слѣдствіемъ такой безграничной свободы, будутъ съ другой стороны, хорошо вознаграждены тѣми благодѣяніями, которыя произведетъ эта свобода. Какъ копье Ахилла свобода излечитъ сдѣланныя ею раны. Необходимымъ послѣдствіемъ этого, продолжаютъ они, будетъ то, что человѣкъ сдѣлается отвѣтственнымъ въ отношеніи къ самому себѣ и за всё, что только можетъ касаться его труда. Государство же, вмѣшиваясь въ трудъ, не можетъ не нарушить личной свободы, не можетъ не злоупотребить своею властію. Въ трудѣ, какъ и въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности, роль государства похожа на роль полицейскаго чиновника, на обязанности котораго лежитъ пресѣкать нарушеніе права со стороны нарушителей, не давая преимущества интересамъ высшимъ, въ ущербъ интересамъ личныхъ, отличнымъ отъ первыхъ; какъ объ этомъ сказалъ отецъ утилитаризма Бэнтамъ: «личные интересы суть единственные интересы. Не стѣсняйте ихъ и не допускайте чтобы ихъ стѣсняли, тогда вы вполне удовлетворите общество».